

DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00027

Д.Н. Музраева (Элиста)

ОЙРАТСКИЙ СПИСОК СОЧИНЕНИЯ «ДРАГОЦЕННОЕ УКРАШЕНИЕ, РАЗЪЯСНЯЮЩЕЕ “КАПЛЮ НЕКТАРА, ПИТАЮЩУЮ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ”» КАК ОБРАЗЕЦ КОММЕНТАТОРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Аннотация. Сочинения из разряда комментариев к известным буддийским произведениям индийского происхождения пользовались большой популярностью в Тибете и Монголии. Среди них особо выделяются комментарии на сутры (санскр. *sūtra*), проповеданные Буддой, и на шастры (санскр. *śāstra*), объясняющие основополагающие догматические буддийские тексты. Существуют разные системы классификации комментариев. Дж.Б. Вилсон предлагает характеризовать их как комментарии: 1) раскрывающие значение одного священного текста; 2) систематически объясняющие то, что рассредоточено по текстам, и 3) разъясняющие значение множества священных текстов. В предлагаемой статье автор дает описание ойратского сочинения «Драгоценное украшение, разъясняющее “Каплю нектара, питающую живых существ”» (ойр. *Törölkitöni asürxüi dusul teyin nümlixüi erdeni čimeq kemēkü*), представляющего собой образец комментария на древнеиндийскую шастру. Авторство комментируемого текста традиционно приписывается индийскому мыслителю Нагарджуне (II–III вв.). Данный текст является составной частью рукописного сборника D 22 из коллекции А.М. Позднеева, хранящейся в ИВР РАН. Основой для комментариев в анализируемом ойратском списке «Драгоценного украшения» послужили индийские сказочные сюжеты, притчи, истории из известных сборников джатак и авадан, среди которых можно назвать «Панчагантру», «Море притч» («Дамамуконама-сутру») и др. Подобные сочинения представляют большой научный интерес для проведения сопоставительных исследований комментаторской литературы в диахроническом плане.

Ключевые слова: буддизм; шастры; дидактическая литература; комментарии; Нагарджуна; «Капля нектара; питающая живых существ»; ойратский язык.

* Статья подготовлена по проекту «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира» при поддержке мегагранта Правительства РФ (Соглашение о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий в соответствии с пунктом 4 статьи 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации № 075-15-2019-1879 от 3 декабря 2019 г.).

D.N. Muzraeva (Elista)

Oirat Translation of “The Precious Decoration” Explaining “A Drop of Nectar, Feeding Living Beings” as a Sample Commentary Literature**

Abstract. Compositions categorized as commentaries on prominent Buddhist works of Indian origin were widely recognized in Tibet and Mongolia. Among them I tell the commentaries on the sutras (Sanskrit *sūtra*) preached by the Buddha and the shastras (Sanskrit *śāstra*), which explain the fundamental dogmatic Buddhist texts. I take into account different systems for classifying commentaries. J.B. Wilson proposed to characterize them as commentaries as: 1) explaining the meaning of one sacred text; 2) systematically clarifying what is scattered, and 3) annotating the meaning of many sacred texts. In this article, I give a description of the Oirat manuscript “A precious adornment explaining *The Drop of nectar that feeds living beings*” (Oir. Törölkitöni asürxüi dusul teyin nümlüxüi erdeni čimeq kemēkü), which is an example of a commentary on the ancient Indian *śāstra*. The authorship of the commented text is traditionally attributed to the Indian philosopher Nagarjuna (II–III centuries). This text was an integral part of a manuscript collection D 22 from the collection of A.M. Pozdnev deposited at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS. The commentaries in the analyzed Oirat text of “Precious Ornaments” were grounded on Indian fairy tales, parables, stories from well-known collections of Jatakas and Avadans, among which I can name “Panchatantra”, “Sea of Parables” (“Damamukonama-sutra”), etc. Such compositions are of great scientific interest for comparative studies of commentary literature in the diachronic way.

Key words: Buddhism; *śāstras*; didactic literature; commentaries; Nagarjuna; “A drop of nectar that feeds living beings”; Oirat language.

Традиция составления комментариев на индийские трактаты пришла к монгольским народам вместе с тибетскими (и отчасти с уйгурскими) переводами индийских сочинений, записанных на санскрите. Историки тибетской канонической литературы отмечают, что круг философских комментариев на тибетском языке охватывает самые разные области знания [Wilson 1996, 130–131]. Тибетологи, давая характеристику сочинениям из разряда комментариев, полагают, что среди них можно выделить комментарии к сутрам (от санскр. *sūtra*) – сочинениям, проповеданным Буддой, а также комментарии к шастрам (от санскр. *śāstra*).

** This article was prepared under the project “From Paleogenetics to Cultural Anthropology: A Comprehensive Interdisciplinary Study of the Traditions of Peoples of Transboundary Regions: Migration, Intercultural Interaction, and the World View” with the support of the megagrant of the Government of the Russian Federation (Agreement on the provision of grants from the federal budget in the form of grants in accordance with paragraph 4 of Article 78.1 Of the Budget Code of the Russian Federation No. 075-15-2019-1879 dated December 3, 2019).

Об особенностях жанра комментариев в тибетской и монгольской буддийской литературе

Существуют разные системы классификации и систематизации комментариев, но в целом их можно охарактеризовать как: 1) полностью раскрывающие значение одного священного текста; 2) систематически объясняющие рассеянное по разным местам и 3) разъясняющие значение нескольких священных текстов [Wilson 1996, 133].

По мнению Дж.Б. Вилсона, «категория тибетских философских комментариев слишком обширна, чтобы считаться жанром – во многом так же, как богословская и философская литература на Западе: такие комментарии представляют собой тип литературы только в самом широком смысле, и те, кто не знает о множестве существенно разных жанров комментаторских произведений, рискуют неправильно истолковать эти тексты» [Wilson 1996, 130]. Тем не менее, ученым был предложен ряд критериев, позволяющих выделять жанры в тибетской комментаторской литературе. Во-первых, следует принимать во внимание формат или стиль, в котором написан тот или иной комментарий; он может представлять собой «аннотационный (или словесный) комментарий» (*mchan 'grel*), «обширные комментарии (или критический анализ)» (*mtha' dpyod*), комментарий по трудным вопросам (*dka' 'grel*) и «общее описание» (*spyi don*), т.е. комментарий, в котором главное внимание уделяется основополагающим моментам текста; его разновидностью является комментарий, который сводится к сжато изложению смысла основного текста [Wilson 1996, 130, 134].

Во-вторых, как пишет Дж.Б. Вилсон, «если мы определим «жанр» (вслед за Э.Д. Хиршем) как “то чувство целого, с помощью которого интерпретатор может правильно понять любую часть в ее детерминированности”, то предпочтительно, чтобы читатель знал, читает ли он комментарий к определенному сочинению, его анализ или изложение этой работы, а не объяснение какого-то другого сочинения. Поскольку философская терминология индийского буддизма относительно однородна, нововведения чаще происходят в интерпретации существующих терминов, чем в создании новых» [Wilson 1996, 130–131].

В-третьих, «жанры также разграничиваются восприятием первичного текста, привнесенным в него автором (и читателем). <...> тибетские буддийские философы <...> рассматривали индийские тексты не только как продукты их авторов, но также как продукты нормативных взглядов на реальность, связанных не только с этими авторами, но и со всей совокупностью школы» [Wilson 1996, 130].

В монголоведческой литературе тибетским и монгольским комментариям были посвящены работы Б.Я. Владимирцова [Владимирцов 1921], Ц. Дамдинсурэна [Jayun bilig 1959, 363–389; Rasiyan-u dusul 1964], А.Д. Цендиной [Дамдинсурэн, Цендина 1983], Д. Ёндона [Ёндон 1989]. В «Истории монгольской литературы» специальный раздел отведен комментаторской литературе [Дамдинсүрэн 1976, 262–297]. В монографии Д. Ён-

дона дан анализ комментариев на «Каплю нектара» и «Субхашиту» [Ёндон 1989].

Шастры как особый разряд буддийских экзегетических сочинений

Дж.Б. Вилсон применил жанровый анализ к комментаторской литературе тибетских авторов на индийские экзегетические произведения, какими и являются шастры, посвященные истолкованию основополагающих догматических буддийских текстов, и подметил такую особенность: «<...> шастры охватывают – в терминах Запада – не только традиционные философские области, такие как метафизика, эпистемология, логика и риторика, а также космология, но и поэтику, грамматику, монашескую дисциплину и медицину» [Wilson 1996, 125]. При этом жанровый анализ может диктовать исследователю, как установить степень, в которой 1) поздние комментарии основываются на более ранних работах, 2) новизна видна в более поздних комментариях и, особенно, 3) применение трех критериев для определения жанра действительно необходимо для правильной интерпретации текста [Wilson 1996, 135]. Но самым интересным нам представляется тезис автора о том, что такой анализ может включать изучение способов, которыми комментарии, принадлежащие к разным жанрам, разъясняют один несложный, но важный отрывок из основного текста [Wilson 1996, 135].

Шастры (или нитишастры) – особый жанр буддийской литературы дидактического содержания. В процессе сложения канонических сводов Ганджура и Данджура комментарии на сутры вошли в первую часть свода, а комментарии на шастры оказались в составе второй части канона – Данджура [Wilson 1996, 130–131].

Анализ литературы показывает, что в качестве объекта комментирования чаще всего выбирались такие сочинения, авторами которых были известные буддийские философы, чьи труды являются основополагающими для большинства школ тибетского буддизма. Среди них «Абхидхармакоша» Васубандху (IV в.), «Праманаварттика» Дхармакирти (VII в.) и «Мадхьямакаватара» Чандракирти (VII в.) и др. Эта тенденция наиболее отчетливо прослеживается у авторов – последователей школ Сакья (тиб. Sa skya) и Гелук (тиб. dGe lugs), и в меньшей степени у авторов Кагью (тиб. bKa 'brgyud) и Ньингма (тиб. rNying ma) [Wilson 1996, 125].

Особую популярность среди тибетцев и монголов имели комментарии на такие дидактические сочинения, как «Капля нектара, питающая людей» индийского мыслителя Нагарджуны и «Субхашита» буддийского проповедника Сакья-пандиты Гунга Джалцана [Ёндон 1989]. Одним из образцов комментариев на первое из указанных произведений является сочинение «Драгоценное украшение, разъясняющее “Каплю нектара, питающую живых существ”», составленное на ойратском языке. Оно включено в рукописный сборник D 22, в настоящее время хранящийся в Монгольском фонде ИВР РАН [TD].

Примечательно, что среди переводов ойратского просветителя XVII в. Зая-Пандиты Намкай Джамцо представлены сочинения из разряда комментариев к сутрам (ойр. *Biligiyn zürekeni tayilbur* ‘Комментарий к Сутре Сердца Празжняпарамиты’, ойр. *Coqtu zandani tayilbur* ‘Комментарий к «Огненному сандалу»’) и ритуальным текстам (ойр. *Usun gdorma-yin tayilbür* ‘Комментарий к «Дорме (подношению) воде»’) [SG, 8–9, л. 9а–11б].

Для того чтобы понять природу этого жанра буддийской литературы, требуется сопоставить тексты оригинала дидактического сочинения и комментария к нему. Но интересующего нас текста, ни в оригинале, ни в виде комментария, в перечне Раднабадры – ученика и автора биографии Зая-Пандиты, который привел полный список переводов своего учителя и его ближайших последователей [SG; Лувсанбалдан 1975; Жауун билэг 1959], мы не обнаружили. Поэтому в качестве исходного комментируемого текста мы использовали варианты на монгольском языке – два издания «Капли нектара». Один из них представляет собой ксилографическое издание, отпечатанное в одном из бурятских дацанов и хранящееся в настоящее время в Монгольском фонде ИБР РАН [AD 2]. Другим образцом первоисточника послужил текст, опубликованный Ц. Дамдинсурэном в «Ста образцах монгольской литературы» [AD 1, 362–369].

Характеристика комментируемого текста

Текст согласно публикации Ц. Дамдинсурэна состоит из 90 стихотворных строф (четверостиший). Если первая строфа представляет собой форму поклонения бодхисатве Манчжушри, то вторая отражает намерение автора (т.е. Нагарджуны) составить сочинение «о капле воды». При этом автор придерживается традиционной уничижительной формы самопредставления (монг. *ütele nadur irayu ayalyulqu erdem ügei bolbaçu* ‘Хотя я, обыкновенный [человек], и не наделен талантом благозвучного вещания’) [Жауун билэг 1959, 355]. Главной его мотивацией является желание проявить заботу о тех нерадивых глупцах, которые обладают ничтожным умом [Жауун билэг 1959, 355]. Во всех последующих строфах, начиная с 3-й, согласно нумерации, сделанной в издании Ц. Дамдинсурэна, в первых двух строках содержится сентенция назидательного характера, в двух других – отсылка, намек на известный сюжет, взятый для сравнения, подкрепления тезиса. Последним может выступать сказочный сюжет из «Панчатанты», либо из другого собрания индийских сказок, но также и сюжет из «Моря притч», других сочинений. Иногда содержание строф сводится к рассуждениям о глупцах (строфы 17–18), о мудрецах (строфы 19–21), о том, как следует жить, как поступать (строфы 23, 25), о взаимоотношениях с другими людьми (строфы 28, 30–37, 75). Строфы могут представлять собой изложение основных моментов буддийского учения – о чувственных привязанностях, о перерождениях, о рождении биридом-претой (строфы 47–49, 65), о необходимости воздерживаться от совершения десяти неблагоприятных (греховных) деяний, о страданиях, о неотвратимости созревания пло-

да совершенных деяний (строфы 49–50, 67, 73), о необходимости совершать добродетельные деяния, делать подношения (строфа 52, 71–72, 76), о страданиях ада (строфа 56, 64) и других неблагоприятных перерождениях (строфа 57, 65–66), а также о рождении человеком и тенгрием (небожителем) (строфа 58), о быстротечности времени (срока жизни) (строфа 60), рассуждения о том, кого считать мудрым и праведником, истинным верующим (строфа 68–70, 77–78) без ссылки на какой-либо известный сюжет или образ.

Приведем пример 4-й строфы:

*Yerü öber-ün bey-e-ben maytan buu üyled:
yerüngkei bey-e-ben demei maytaçči tere kümün:
yerü-degen yaliqu ügei mayu-dur bodoɣdaqu böged:
yekerken bardamlaysan ɣalandaka metü bolqu::*

‘Не стремись превозносить себя.

Тот человек, который впустую восхваляет себя,

На деле будет считаться никчемным, скверным,

Будет сродни каландаке, уж очень превозносившей себя’ [Jaɣun bilig 1959, 355].

22-я строфа:

*Ed tavar ner-e jerge öcükken bolbaçu:
erdem-tei uqayantu kümün-i basuɣı buu darula:
erte çay-tur qurça uqayantu nigen taulai ber:
erelkegsen arslan-i qayurçu alaysan metü bolai::*

‘Хоть и невелико имущество и имя,

Обладающего знаниями человека не притесняй, не подавляй!

Будет подобно тому, как в давние времена один заяц, [наделенный] острым умом,

Одолел и убил заносчивого льва’ [Jaɣun bilig 1959, 356].

Как видно из приведенных фрагментов оригинала, стихотворное четверостишие завершается строкой, содержащей отсылку к образу, сюжету или истории, которые могут быть хорошо известны литераторам, но не каждому читателю.

Описание комментария на ойратском языке (из состава рукописного сборника D 22)

Согласно заголовку, ойратский текст имеет название «Капля нектара, питающая людей» (ойр. *törölkitöni asurxu dusul kemeke orşoba*). Однако там же в начале текста дан другой, наиболее полный титул этого сочинения: «Драгоценное украшение, разъясняющее “Каплю нектара, питающую живых существ”», что отмечено в заглавии данной статьи.

Согласно колофону, инициатором (заказчиком) является *ariün bodi sed-kiltü Boşoq-tü Junung* [Бошигт Джунунг, (обладающий) святой мыслью

о просветлении], имя переводчика – *oqtorıyuyin erketü Cecen Šang Drong* [Сэцэн Шанг Дронг, (обладающий) властью неба], имя переписчика – *uıı biliqtü dgeslong dBang phyog rGya mco* [Ванчуг Джамцо, гелон, (обладающий) обширными знаниями] [TD, 24b]. В приведенных сведениях из колофона упоминаются лишь имена заказчика, переводчика с тибетского языка на монгольский язык и переписчика. Опираясь на эту информацию, Ц. Дамдинсүрэн высказал точку зрения, что монгольский комментарий «Эрдэнийн чимэг» [‘Драгоценное украшение’] был составлен в XVII в. [Дамдинсүрэн 1976, 279]. В рукописи нет указания на то, кто явился инициатором составления списка на ойратском языке.

Основой для комментариев в анализируемом ойратском списке «Драгоценного украшения» послужили индийские сказочные сюжеты, притчи, истории из известных сборников джатак и авадан, среди которых можно назвать «Панчатантру», «Море притч» («Дамамуконама-сутру») и др.

Анализ содержания и структуры рассматриваемого ойратского сочинения позволяет перечислить следующие истории, сюжеты в их последовательности:

1. Биография (история) Нагарджуны
2. Лиса и жена
3. Сын брахмана по имени Каландака
4. Птица под названием каландака
5. Как посрамили 7 вшей
6. Как обезьяна разорила гнездо каландаки
7. Сравнение с шаштрой [о] гани
8. О лживых словах попугая
9. О ложных словах кошки и мышах
10. О брахмане Найркъяле, у которого, когда смеялся, изо рта падали жемчужины
11. Черепаха и обезьяна
12. Как были обмануты волк (?) и другие (История Хормусты, тенгриев и асуров)
13. О том, как куропатка перехитрила лисицу
14. О купцах, отправившихся в океан за драгоценностями
15. О богаче, который [придерживался] превратных, неправедных [воззрений] (История брахмана и его отца и царя-отца с царем-сыном)
16. История о том, как заяц лишил жизни льва
17. О том, как мышь сумела поднять слона
18. О том, как в колодец упал человек, ястреб, мышь и змея
19. Гелон и ворона
20. История о лисе с синим мехом
21. О том, как черепаха зубами погубила птицу
22. О колодезной лягушке
23. О том, как глупец перевозил драгоценности
24. О том, как ошибочно было услышано об имуществе, приобретенном во сне

25. О пятистах женах высокого происхождения, ставших тойнами (духовными лицами). (История Утпала эке)
26. Способность женщины (рагини) перевоплощать
27. Рожденный agübgüi
28. О некрасивом Джумаре
29. О свирепости тарничи
30. О скупой женщине
31. О свирепой жене домохозяина
32. Лиса Джилу
33. О четырех друзьях.

Особенности комментария (на примере фрагментов исходного текста и соответствующих комментариев)

Приведем примеры того, как автор ойратского списка дает комментарий к представленной ниже 12-й строфе исходного текста, в последней строке которой упоминаются **черепаха и обезьяна**:

*aminči maγu amaraγ-un ügen-dür neng buu oro:
arγ-a-tu maγu nöbür-ün üge-ber yabubasu:
alus-tayan nigen kereg-tür erke ügei qaγurqu:
adaldqabasu yasutu menekei sarmaγčın-i qaγuruγsan metü.:*

‘Не верь (не слушай) слова скверного друга.

Если станешь поступать (жить) согласно сказанному скверным другом,

В дальнейшем будешь обманут в каком-нибудь деле.

Если сравнить, то это будет подобно тому, как черепаха обманула обезьяну’

[Jaγun bilig 1959, 356].

В тексте комментария на ойратском языке мы находим такую историю:

«Если привести пример, то некогда **черепаха и обезьяна** дружили. Когда черепаха выходила на сушу, обезьяна приносила множество фруктов, в одной скалистой пещере очищала, задавая вопросы, беседовали. У жены черепахи зародились сомнения:

– Почему ты так подолгу остаешься на суше? – когда спросила, черепаха (-муж) отвечал:

– У меня есть одна знакомая обезьяна, она приносит множество фруктов, не произнося ни слова, – когда ответил, его жена засомневалась:

– Если не будет являться ночью и так будет продолжаться, то возможно есть другая женщина, – подумала так, прикинулась больной. Когда явился черепаха, и спросил, что за болезнь случилась, она ответила, что заболела. Когда муж спросил, какое средство может помочь, она ответила, что поможет сердце обезьяны. Черепаха сказал, что понял, что поспешит, отправился к другу обезьяне:

– Ты много раз давал мне так еды (угощений). Теперь я должен вернуть в ответ отдарок. Мой дом находится на дне океана, необходимо отправиться туда, –

когда сказал, хотя обезьяна ответила, что не поедет, черепаха сто раз повторил “Друг, друг”, <...> когда так настойчиво стал приглашать, не в силах отказать, закрыв глаза, села верхом на черепаху. Когда добрались до дома черепахи, черепаха сказал, что его жена заболела, и сказала, что требуется сердце обезьяны. Друг, ради жены я должен забрать твое сердце, – когда сказал, обезьяна в ответ:

– Что же ты за зловредное существо, живущее в воде?! Если так, почему не сказал прежде, когда были на суше? Мы, обезьяны, оставляем свои сердца на макушке сосны (лиственницы). Так что возвращайся, – когда так сказала, черепаха поверил, и отправился с обезьяной обратно. Когда добрались до макушки сосны (лиственницы), сказала, обращаясь к черепахе:

– Ты сиди, раскрыв рот, я вложу сердце, – сказала так и, взобравшись на макушку дерева, произнесла:

– Положившись на скверного друга, была опорочена. Без всякой причины отвез на дно океана, чуть не лишил драгоценной жизни. Если желаешь сердца обезьяны, то получи это! – сказала так и испражнилась. Когда кал обезьяны попал в рот черепахи, она испугалась, стала дожидаться в скалистой пещере, где очищали (фрукты). Пришла обезьяна, чтобы узнать, здесь ли черепаха, позвала. Во вторую ночь и в третью, сколько бы ни звала, поскольку в ответ не было ни звука, уходила. Вновь в четвертую ночь отправилась, когда позвала, у обезьяны закралось подозрение: “Прежде всякий раз, когда призывала в эту скалистую яму, приходил ответ”, – подумала так и прокричала “а-а”. То, что обезьяна решила прежде испытать (эхо), в этом воистину проявила мудрость. То, что в последующем стала переживать (сожалеть), в этом ее глупость. То, что ответила на эхо (крик) в скалистой пещере, воистину странно. Оставайся здесь, если хочешь жить несправедливо, ладно (хорошо), – сказав так, отправилась в лес» [TD. Л. 9а–10а].

Как видно из этого рассказа, весьма сжато, но, тем не менее, ярко иллюстрирующего дружбу со скверным товарищем, резюмирующая часть не очень четко подводит итог, выражает мораль по поводу дружбы.

В следующем примере (14-я строфа) исходного текста упоминаются **куропатка и лиса**:

qour-a qar-a yeketü kümün-ü üge-yi yerü-degen sergeyile:

qoyisi uruysi ügei yaqu kelegsen-i abubasu ele:

qojim-dayan öber-tür nigen qowlal bolqu anu:

qorusuysan itülge sibayun. ünegen-i qayuruysan metü.:

‘Всегда будь осторожен [в отношении] слов зловредного человека.

Что бы ни говорил и в прошлом, и в будущем,

В последующем тебе будет причинен вред.

Это будет подобно тому, как **куропатка обманула лису**’

[Jayun bilig 1959, 356].

Данному фрагменту в тексте ойратского комментария соответствует следующая история:

«**О том, как куропатка посрамила лисицу.** Когда-то лиса и куропатка дружили. После того, как куропатка отправилась в поисках еды (пропитания), лиса съела одного из семи ее птенцов. Пока куропатка отсутствовала, лиса, войдя во вкус, каждый день съедала по одному птенцу, и так не осталось ни одного. Та куропатка ничего не смогла поделаться, но задумала отомстить. Она увидела, что в долине сооружена ловушка, поверх которой разбросаны куски мяса, решила, что сегодня настал час для мести. Подумала так, вернулась к лисе и сказала:

– Подруга, в степи есть еда, но без тебя не смогла есть. Лиса спросила, нет ли здесь ловушки, – когда спросила, куропатка ответила, что посмотрит, есть или нет. Она подняла крылья, стала перебирать лапками, оторвала один кусочек и ответила, что нет ловушки. Тогда и лиса приблизилась и, когда потянулась за мясом, ловушка упала, накрыв ее с головой. Стала вертеть хвостом, приговаривая: “Подруга, ой-ой”. Куропатка в ответ на заботу отомстила, а также нанесла вред другу, не испытывая стыда. Для бесстыжей лисы пришло время испытать плоды судьбы (кармы). Если зародилась мысль отомстить, то даже маленькая куропатка отомстила за своих птенцов. Не стоит дергаться, скоро придет ловец.

Лиса сказала:

– В силу того, что не понимала, что есть добрые и греховные деяния, воистину так. Не понимала, что созреет плод деяний. Хотя прежде и обладала заслугами, теперь ты причинила мне вред, – пока так говорила, пришел тот [ловец] и убил [лису]» [ТД. Л. 11а–11б].

В приведенном рассказе, как нам представляется, мораль, заключенная в последних строках, выражена более пространно, чем в исходном тексте, поскольку автор-составитель не ограничивается рассуждениями о скверном друге, а добавляет мысль о добродетельных и недобродетельных поступках.

* * *

В заключение можно отметить, что комментаторская литература в составе тибетской и монгольской литературы сыграла особую роль в популяризации основополагающих моментов буддийского учения в среде верующих мирян. Она также способствовала росту популярности сюжетов, привнесенных из иноязычной среды, их адаптации в новой среде, обогащению образного ряда, сюжетики традиционных монгольской и ойратской литератур.

Рассмотренный ойратский список комментария к «Капле нектара» Нагарджуны показывает, что подобные сочинения были востребованы в ойратской и калмыцкой среде, оказывались в поле внимания монголоведов и до настоящего времени представляют большой научный интерес для проведения сопоставительных исследований комментаторской литературы в диахроническом плане.

ИСТОЧНИКИ

1. АС – *Erdeni-yin čimeg kemekü sudur orusibai* [Сутра, именуемая «Драгоценное украшение»] // Corpus Scriptorum Mongolorum. 1959. Т. XIV. Fasc. 2. Mongyol uran jokiyaal-un degeji jayun bilig orušibai [Сто образцов монгольской литературы]. P. 363–389.

2. AD 1 – *Arad-i tejigeküi dusul kemekü šastir* [Шастра, именуемая «Капля, питающая людей»] // Corpus Scriptorum Mongolorum. 1959. Т. XIV. Fasc. 2. Mongyol uran jokiyaal-un degeji jayun bilig orušibai [Сто образцов монгольской литературы]. P. 355–361.

3. AD 2 – *Arad-i tejigeküi kemegdekü yosun-u šastir orusiba* [Шастра, именуемая «Капля нектара, питающая людей»]. Бурятский ксилограф на монгольском языке // Монгольский фонд ИВР РАН. Шифр Н 59. 15 л.

4. Jayun bilig – *Damdinsürüng Će*. Mongyol uran jokiyaal-un degeji jayun bilig orušibai [Сто образцов монгольской литературы] // Corpus Scriptorum Mongolorum. 1959. Т. XIV. Fasc. 2. 599 p.

5. Rasiyan-u dusul – *Rasiyan-u dusul-un mongyol töbed tayilbury* [Монгольские и тибетские комментарии к «Капле нектара»] / ed. Ts. Damdinsuren // Corpus Scriptorum Mongolorum. 1964. Т. III.

6. SG – Biography of Caya Pandita in Oirat Characters (*Rabjamba Ćay-a bandida-yin tuyji saran-u genel kemekü ene metü bolai*) [Биография Зая-Пандиты «Лунный свет»] / redigit acad. prof. Dr. Rinchen [Предисловие, транслитерация, издание текста Ж. Цолоо] // Corpus Scriptorum Mongolorum. 1967. Т. V. Fasc. 2–3.

7. TD – *Torolkitoni asorxü dosoal kemekē oršobi; sKyе bu gso tig* [Капля нектара, питающая живых существ]. *Törölkitöni asürxüi dusul teyin nümlixüi erdeni čimeg kemekü* [Драгоценное украшение, разъясняющее «Каплю нектара, питающую живых существ»]. Рукописный сборник на ойратском языке. Л. 1a–25a // Монгольский фонд ИВР РАН. Шифр D 22. 62 л.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирцов Б.Я. Монгольский сборник рассказов из Rañcatantra. Петроград: Академическая Двенадцатая Государственная Типография, 1921. 164 с.

2. Дамдинсүрэн Ц., Цендина А.Д. Тибетский сборник рассказов из «Панчатантры» // Corpus Scriptorum Mongolorum. 1983. Т. XX. Fasc. 3. 107 с.

3. Дамдинсүрэн Ц. Панчатантрагаас авсан монгол өгүүллэгийн цоморлогууд [Монгольские сборники рассказов из Панчатантры] // Монголын уран зохиолын тойм [История монгольской литературы] / ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Т. II. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл [Издательство Академии наук]. X. 262–297.

4. Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. М.: Наука. ГРВЛ, 1989. 183 с.

5. Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд [«Ясное письмо» и памятники на нем] / ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр [Издательство Академии наук], 1975. 356 х.

6. Wilson J. B. Tibetan Commentaries on Indian Śāstras // Tibetan Literature: Studies in Genre. Essays in Honor of Geshe Lhundup Sopa. Ithaca, NH: Snow Lion, 1996. P. 125–137.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Damdinsürүң Цэ., Tsendina A.D. Tibetskiy sbornik rasskazov iz “Panchatantry” [Tibetan Collection of Stories from “Panchatantra”]. *Corpus Scriptorum Mongolorum*, 1983, vol. 20, fasc. 3, 107 p. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Damdinsürүң Цэ. Panchatantragaas avsan mongol ögyll·egiyn tsumorloguud [Mongolian Collections of Stories from Panchatantra]. Damdinsürүң Цэ., Tsend D. (eds.). *Mongolyn uran zokhiolyn toym* [History of Mongolian Literature]. Vol. 2. Ulaanbaatar, Academy of Sciences Publ., 1976, pp. 262–297. (In Mongolian).

3. Wilson J.B. Tibetan Commentaries on Indian Śāstras. *Tibetan Literature: Studies in Genre. Essays in Honor of Geshe Lhundup Sopa*. Ithaca, NY, Snow Lion, 1996, pp. 125–137. (In English).

(Monographs)

4. Endon D. *Skazochnyye syuzhety v pamyatnikakh tibetskoy i mongol'skoy literature* [Fairy Stories in the Monuments of Tibetan and Mongolian Literature]. Moscow, Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1989. 184 p. (In Russian).

5. Luvsanbaldan H. (author), Damdinsürүң Цэ. (ed.). *Tod yseg, tyyniy dursgaluud* [“Clear Script” and Monuments on It]. Ulaanbaatar, Academy of Sciences Publ., 1975. 356 p. (In Mongolian).

6. Vladimirtsov B.Ya. *Mongol'skiy sbornik rasskazov iz Pañcatantra* [Mongolian collection of stories from Pañcatantra]. Petrograd, Academic Twelfth State Printing House, 1921. 164 p. (In Russian).

Музраева Деляш Николаевна, Калмыцкий научный центр РАН.

Кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом письменных памятников и языкознания. Научные интересы: средневековая монгольская и тибетская литературы, письменные источники, каталогизация, текстология, перевод буддийских текстов.

E-mail: deliash@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8619-9369

Delyash N. Muzraeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Written Monuments and Linguistics. Research interests: Medieval Mongolian and Tibetan literatures, written sources, cataloging, textology, translation of Buddhist texts.

E-mail: deliash@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8619-9369